

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.31857/S086919080010820-9

СЕЛЬСКИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ СОСЕДСКИЕ ОБЩИНЫ:
ЛОГИКА vs ИСТОРИЯ

© 2020

Л.Б. АЛАЕВ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-002-3514-7622; alaev_leonid@mail.ru

Резюме: *Существование сельской соседской общины в разные эпохи отмечено во многих странах. Чаще всего она рассматривается как пережиток первобытных отношений, как остаток родовой общинности, будто бы свойственной человеку с момента его становления как биологического вида. Эта «общинная теория» базировалась: 1) на некоторых (неправильно интерпретированных) данных о современных исследователях (XIX в.) проявлениях общинности (в Германии, России и Индии), 2) на изучении родового строя американских индейцев (Л.Г. Морган) и 3) на логике – на глубоком убеждении, что человек был изначально общинник и лишь затем приобрел качества индивидуализма. Эта концепция была воспринята К. Марксом и Ф. Энгельсом и потому стала непререкаемым догматом в советских и, к сожалению, также и в постсоветских исторических и историко-теоретических исследованиях. Автор показывает обоснованность подобных аргументов и представляет свою концепцию появления сельских земледельческих общин в разных странах как институтов, обеспечивавших сложение и функционирование экономического и политического строя классового (стратифицированного, развитого) общества. Они имели разнообразные формы в зависимости от своего состава: состояли ли они из низких социальных слоев (крестьянства) или же включали также и привилегированные слои, и от того, что превалирует в их функциях: права общинников или их обязанности. Периодические переделы земли, если они были, соответственно базировались либо на праве на долю в общей земле, либо на обычаях раскладки налогов и рента.*

Фактический материал в подкрепление этой концепции содержится в предыдущих работах автора за последние полвека (см. Список литературы).

Ключевые слова: община, крестьяне, налоги, рента, ритуал, Маркс, Энгельс, долевые общины, тягловый передел.

Для цитирования: Алаев Л.Б. Сельские земледельческие соседские общины: логика vs история. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 113–125. DOI: 10.31857/S086919080010820-9

THE RURAL AGRICULTURAL NEIGHBORS' COMMUNITIES:
LOGIC vs HISTORY

© 2020

Leonid B. ALAEV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-002-3514-7622 alaev_leonid@mail.ru

Abstract: *Rural neighbors' communities are observed in various periods in many countries. Usually they are understood as the survival of primordial social structures, as the remnants of a tribal system, which allegedly was peculiar to human beings from the very beginning of social history. This community theory was based on: 1) some misinterpreted contemporary (for the 19th century) remnants of communality (in Germany, Russia and India); 2) research on the tribal society of American Indians*

(L.G. Morgan) and 3) on the logic, on the deep persuasion that a man was primordially a community member and only after some time and development acquired individualistic notions. This concept was perceived by K. Marx and F. Engels and, therefore, became the indisputable dogma in the Soviet and, unfortunately, in some Post-Soviet historical and theoretical historical studies. The author of the article shows groundlessness of such kinds of arguments and reveals his own concept of formation of rural agricultural communities in various countries as institutions, providing the formation and functioning of political and economic systems of class (stratified, developed) society. They had various forms depending on their composition: they were rather composed with the lower social stratum (peasantry), or they included privileged people as well, and on their main functions: securing of rights or of their obligations. Periodical redistributions of land, if any, accordingly, were of two types: based on sharing common property, or on usages of distribution of rents and revenues.

Factual material in support of this concept is contained in the author's previous works over the past half century (see References).

Keywords: community, peasants, taxes, rents, ritual, Marx, Engels, land-holdings by shares, land redistributions by obligations (dues).

For citation: Alaev L.B. The Rural Agricultural Neighbors' Communities: Logic vs History. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 113–125. DOI: 10.31857/S086919080010820-9

Сельская соседская община играет в историософии, социологии и политологии весьма заметную роль. Во-первых, она служит основанием большинства концепций исторического процесса. От нее, как от «печки», можно танцевать в любую философскую сторону. Ведь человеческая история должна с чего-то начинаться! Существующие в Новое время родственные и территориальные связи рассматриваются как «пережитки» прежних (первобытных) состояний, а наблюдаемое имущественное и социальное неравенство, классы и государство – как результат *разложения* общинного строя.

Во-вторых, сельская община, известная чаще всего по данным XIX в., в ряде стран становится символом особенных, неповторимых качеств родного народа (в Германии – Volksgеist, в России – «российский дух»). В Германии идеи выдающихся качеств немецкой нации развивались в рамках так называемого *романтизма*, в России – в среде *славянофилов*.

Наконец, в-третьих, в рамках социалистического (или утопического) идеологического комплекса община становится символом справедливого социального устройства, к которому надо стремиться и которое вскоре может наступить (*народники* в России, М.К. Ганди в Индии).

Все эти концепты выдвигались применительно к разным, по существу, институтам, именуемым одинаково – *общиной*, без научного изучения разных эволюций этих институтов в прошлом, а также без анализа практики общинного землевладения (и быта в целом) в настоящем и без доказательств ее *социалистичности* в будущем.

В конце XIX в. историки пытались отбить нашествие *общинной теории* со стороны юристов и экономистов, которые называли себя *историками права*. Они были уверены, что этнографический (этнологический) материал вполне достаточен для изучения глубокого прошлого. Нужно только обнаружить у современных народов те черты социального устройства, которые сам исследователь назначил быть *первобытными*.

Ученые так называемого *критического направления* в Германии показали искусственность и оторванность от фактов расхожих рассуждений о формировании средневекового общества в процессе разложения общины¹. Во Франции *общинную теорию* отверг Фюстель де Куланж (1830–1889). В России историки так называемой *государственной*

¹ Подробный разбор достижений этой школы (хотя автор относится к ней критически) см.: [Данилов, 1958]. Сокращенный обзор см.: [Алаев, 2016, с. 49–58].

школы показали, что русская передельная община, которой умилялись славянофилы, неразрывно связана с установлением крепостничества и появляется в центральных регионах России только в XVII в. по инициативе помещиков и правительства (подробнее см.: [Алаев, 2016, с. 71–131]). В наше время убедительной критике подверг *общинную теорию* А.Я. Гуревич [Гуревич, 2014]. Материалы по индийским общинам показали, что понятие *восточная община* менее всего применимо к самой Индии [Baden-Powell, 1896; Баден-Пауэлл, 1900; Алаев, 2016, с. 220–223].

Однако появившиеся уже в XX в. социальные антропологи и этнологи не позволили фактам побить концепцию. Она слишком удобна для объяснения любых особенностей тех или иных обществ: нужно только рассортировать имеющийся материал на *первобытность* и *разложение* первобытности.

Живучесть *общинной теории* в нашей стране во многом объясняется марксистским прошлым отечественной гуманитарной науки в целом и социантропологии в частности. Марксизм в СССР стал государственной идеологией, и это, в частности, перекрыло возможности тщательного (научного) изучения марксистской теории. Она изучалась через *толкование*, подобно Священному писанию, т.е. с презумпцией абсолютной правильности и внутренней непротиворечивости. Наиболее явные противоречия старались просто не замечать. В полной мере этот схоластический подход сказался на усвоении советскими учеными высказываний Маркса и Энгельса об общине.

Накопление знаний приводило лишь к детализации однолинейной схемы разложения общины. Для нее предусматривался один путь: от общего → к частному; от равенства → к имущественному и социальному расслоению; от сплоченности → к росту противоречий. Особенно искажало оптику при изучении первобытности и современных общин глубоко укоренившееся представление о первичности родовых (на практике – любых родственных) и вторичности соседских связей и отношений. Это убеждение продолжает существовать, хотя уже показано, что *род* и *община* – это не этапы эволюции единого института, а *разные* институты, имеющие *разное* членство и выполняющие *разные* функции. Соседская община (если она существует, конечно) занимается хозяйственными вопросами, родовые же структуры регулируют семейно-брачные и генеалогические проблемы. Хозяйственная община не совпадала с родом и *не могла* с ним совпадать [Кабо, 1986, с. 4].

Продолжается конструирование единой лестницы этапов развития (разложения), каждый из которых конструируется из *разных* материалов, добытых на *разных* континентах и склеенных могучей *мыслью* социантрополога, смело возлагающего на себя нелегкое бремя Творца.

Интерес Маркса к проблеме общины был сфокусирован магистральной линией его исследований в области истории. Он строил свою историческую теорию (схему формаций), и ему нужно было:

- 1) иметь исходный рубеж (эгалитарное общество) и
- 2) *встраивать* наблюдавшиеся в его время проявления общинности в ту же теорию.

В совместной с Энгельсом «Немецкой идеологии» (1845/46 г.) Маркс первоначально набрасывает схему («патриархализм, рабство, сословия, классы») [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 20]), в которой *община* не участвует. Он видит рубежи исторических эпох в изменениях *форм собственности*. «Первая форма собственности, это – племенная собственность. Вторая форма собственности, это – античная общинная и государственная собственность», она же «совместная частная собственность»... «Третья форма, это – феодальная или сословная собственность» [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 21–22]. Общинная собственность здесь упоминается лишь в связи с античностью, т.е. с собственностью полиса. Здесь же надо отметить, что тогдашние представления Маркса о древнегерманском обществе сводятся, по сути, к отрицанию существования общины. Он мимохо-

дом отмечает перенос в раннее Средневековье «исходного пункта» из города в деревню, но «эта перемена исходного пункта была обусловлена редкостью и рассеянностью по обширной площади первоначального населения, которое приток завоевателей не увеличил сколько-нибудь значительно» [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 22].

В 1852 г. Маркс, готовясь к освещению дебатов в Парламенте о продлении хартии Ост-Индской компании в 1853 г., прочел книгу Дж. Кэмпбелла [Campbell, 1852], подготовленную именно к этому обсуждению, а также книгу М. Уилкса [Wilks, 1810], которая была посвящена вроде бы сравнительно мелкому вопросу об умиротворении только что покоренного Майсура, однако давала хороший материал по многим аспектам «индийского вопроса». Типология индийских общин, которую разработал Кэмпбелл, не привлекла внимания Маркса, а вот обобщенное описание «маленькой республики» у Уилкса оказалось весьма кстати. Наконец-то отыскалась та *клеточка*, из которой развилось современное Марксу общество! Объединение в едином социальном организме земледелия и ремесла, обнаружение института, который позже был назван *системой джаджмани*, указывало (в его глазах) на глубокую первобытность этой формы общины, а это означало – в тогдашней системе взглядов – и все другие показатели *общинности*: полное отсутствие индивидуализма, общее общинное хозяйство и т.п. Отметим сразу же, что для таких выводов его источники оснований не давали.

Маркс вставил клишированное описание индийской общины, которое он нашел, по его словам, «в одном старом официальном отчете английской палаты общин об индийских делах», в свою статью «Британское владычество в Индии» (10.06.1853) [Маркс, Энгельс, т. 9, с. 134]; на следующий день он поделился своей находкой с другом Энгельсом (прибавив кое-что от себя – абсолютно выдуманное) [Маркс, Энгельс, т. 28, с. 228–229]; позже вставил ее же в «Капитал» [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 370].

В работе «К критике политической экономии» (1858–1859) Маркс представляет историю как смену *способов производства* – азиатского², античного, феодального, буржуазного [Маркс, Энгельс, т. 13, с. 7], но одновременно пишет текст, который сейчас известен как «Формы, предшествующие капиталистическому производству», где тот же исторический процесс излагается как смена типов общины. Он выделяет три формы общины, которые выстроены в порядке убывания общинной собственности на землю и увеличения индивидуальных прав на нее: восточную, античную, германскую. Здесь *восточная община* выступает как полностью подавляющая индивида, «*собственность существует только как община собственность на землю*» [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 465, 471]. Этап античной общины демонстрирует сочетание государственной (полисной) и частной собственности. Наконец, германская форма собственности существует в виде частной собственности на обрабатываемый участок и общинного распоряжения пустошами и другими угодьями.

«У германцев, отдельные главы семей которых селились в лесах и были разобщены один от другого большими расстояниями, община, рассматриваемая чисто внешне, существует в каждом отдельном случае лишь в форме сходов членов общины», «община существует только во взаимных отношениях друг к другу этих индивидуальных земельных собственников как таковых» [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 470, 472].

Но взглядам Маркса на историю сельских общин суждено было пережить еще одну серьезную перестройку. В 60-е гг. XIX в. он познакомился с исследованиями Г.Л. Маурера (1790–1872), основателя *общинной теории* (русский перевод основного его труда см.: [Маурер, 1880; 2011]), и окончательно убедился, что институт сельской общины дает ему базу построения прямолинейной мировой истории. Теперь уже ему так называе-

² Обращу внимание читателя, что это единственное место в его сочинениях, где используется словосочетание *азиатский способ производства*.

мая *восточная община* и все *азиатское*, в том числе и *азиатский способ*, стали не нужны. «Восточная» община у него сливается с германской, при этом он *забывает*, как он подавал германскую общину десять лет тому назад. 14 марта 1868 г. он пишет своему другу: *«Идиотское воззрение вестфальских юнкеров (Мёзер и др.), что немцы поселились каждый в отдельности и лишь впоследствии образовали села, области и т.д., опровергнуто совершенно»* [Маркс, Энгельс, т. 32, с. 36].

В набросках письма Вере Засулич 1881 г. [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 400–421] Маркс формирует свое новое понимание стадий разложения общины. Он сохраняет схему трех стадий, но это уже *совсем иные стадии*. Вопреки тому, что он писал в «Формах ...», Маркс *не разделяет* индийскую и германскую общину, а *объединяет* их в единый этап (вместе с русской)³. Он предлагает такие стадии:

1) «*«Кровнородственная община»*, когда *«производство ведется сообща и распределяются только продукты»*» [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 404].

2) «*«Земледельческая община»*, когда *«пахотная земля остается общинной собственностью, она периодически переделывается между членами земледельческой общины»*. *«Таким образом, сельская община в Германии вышла из недр общины более архаического типа. Она была здесь продуктом спонтанного развития, а вовсе не была привнесена из Азии в готовом виде»*⁴. *Там – в Ост-Индии – она также встречается, и всегда в качестве последнего этапа или последнего периода архаической формации»* [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 403].

Таким образом, он объединяет в один *тип (этап)* русскую крепостную общину XIX в., индийскую общину того же времени и ту германскую общину, которая *«еще не существовала в эпоху Юлия Цезаря и уже не существовала, когда германские племена покоряли Италию, Галлию, Испанию и т.д.»* [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 417].

3) «*Новая община, или община-марка, в которой пахотная земля является частной собственностью земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще общей собственностью»* [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 418].

«*Маркой*» назвал эту общину Г.Л. Маурер (1790–1872). Его концепция, усвоенная Марксом и Энгельсом и ставшая догмой в советской науке, имеет много недостатков. Она в большей своей части является надуманной, изобретенной для обоснования некой конкретной идеологии. Но придется ее проанализировать, поскольку она продолжает блокировать объективный подход ко всему комплексу проблем «истоков» истории.

«*Отец общинной теории* опирался на три типа «свидетельств»:

1) На туманные фразы в трудах Цезаря и Тацита, которые будто бы указывали на отсутствие частной собственности у древних германцев и проведение у них периодических переделов земли.

2) На факты существования еще в начале XIX в. земельных переделов в 26 деревнях Трирского округа в Рейнской области.

3) На сохранившиеся с некоторых прошлых времен старые межи, очерчивавшие равновеликие квадраты прежних полей.

Далее испытаем на прочность эту источниковую базу.

Начать ее оценку можно с конца: германская сельская община никогда не называлась *маркой*. Этот термин, означавший просто «граница», применялся к удаленным от населенного пункта угольям, впоследствии стал означать приграничные области государства

³ К слову, обратим внимание на то, что совершенно ненаучно объединять работы Маркса разных лет и конструировать из них единую Марксову теорию общины.

⁴ Навязчивая идея, что всё *общинное* имеет азиатское происхождение и было некогда *«принесено»* в Западную Европу, часто звучит в сочинениях классиков марксизма [Маркс, Энгельс, т. 13 с. 20; т. 19, с. 329, 337; т. 20, с. 645; т. 32, с. 541; т. 35, с. 96]. Бог знает, как они это себе практически представляли. Впрочем, мы видим, что к концу жизни Маркс от этой странной мысли отделался.

[Филиппов, 2011(1–2), с. 150–151 (две статьи под одинаковым названием «Марка»)]. А теперь вернемся к началу.

I

Общего общинного хозяйства, которое в данной концепции несет важную нагрузку исходного пункта всего построения, никогда никем не было зафиксировано. Передела земли в общине тоже в раннем средневековье не обнаружено, – причем даже теми, кто его усиленно искал [Неусыхин, 1956, с. 9, 89]. Сообщения Цезаря и Тацита трактуются сейчас совершенно иначе: как указание на переложную систему землепользования.

«Кровнородственная община» – это вообще своего рода словесный кентавр. Уже говорилось, что община – хозяйственный и бытовой коллектив – не может состоять только из кровных родственников хотя бы в силу родовой экзогамии. Сельская община – это жители села, поселившиеся рядом по сотне разнообразных, иногда вполне случайных, причин. Фюстель де Куланж не нашел общины в древнем франкском государстве: «*Ни в одном из рассмотренных сводов (в варварских «правдах». – Л.А.) не указаны ни общность пахотных земель, ни общность лесов... Самое понятие об общине, по-видимому, чуждо людям той эпохи, так как нигде оно не было высказано составителями этих сводов*». «*Все законы регулируют частную собственность, ни один не рассчитан на общинное пользование, ни в одном нет упоминания о ежегодном переделе земли*». По его подсчетам, слово марка в документах VIII–начала IX в. встречается 51 раз и ни разу – в значении «общинная земля». Средневековая община произошла «*не от воображаемой коллективной собственности, на которую нигде нет никакого указания, а от общего пользования держальцев известными, уступленными им полосами помещичьей собственности*» [Фюстель де Куланж, 1907, с.134–135, 209, 240, 528].

Единственное, что могли сделать в этих условиях общинофилы, – это объявить Фюстель де Куланжа реакционером и «апологетом частной собственности», что и было сделано. Но и современный исследователь, работающий в рамках марксизма, энциклопедист в области истории первобытного общества, утверждает: «*Периодические переделы земли были неизвестны не только ранней крестьянской общине, но и пракрестьянской и позднепервобытной общинам. Во всяком случае, этнография не знает существования периодических переделов земли в первобытной земледельческой общине*». «*В действительности же во всех известных этнографии первобытных земледельческих общинах каждая семья (обычно элементарная, малая) имела свой участок (или участки), урожай с которого поступал в распоряжение взрослых ее членов*» [Семенов, 1979, с. 87; Семенов, 1993, кн. 1, ч. 1, с. 104; Семенов, 1993, кн. 1, ч. 2, с. 411–412].

II

Мауреровское понимание Трирских «подворных общин» (Gehöferschaften) было доверчиво воспринято Марксом и Энгельсом [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 327–345, 403, 417, 442–494; т. 20, с. 166; т. 21, с. 23–178, т. 32, с. 44], а потому закрепилось в советской науке как безусловно приоритетное. Но *gehöferschaften* не годились для доказательства сохранения общины с незапамятных времен хотя бы потому, что были долевыми, т.е. основанными на праве частных лиц на долю в общем имуществе. Ни о каком уравнивании прав дольщиков говорить не приходится. Доля в имуществе общины наследовалась, делилась между наследниками и могла продаваться по частям или целиком, что создавало глубокое имущественное неравенство. Первооткрыватель этих общин Г. Ханссен (1809–1894) сообщает, например, что наименьшая доля составляла 5/8 моргена, а самая крупная – 35 моргенов [Hanssen, 1863. S. 99–122].

И это обстоятельство не было секретом. Маурер переписывает из Ханссена, а Энгельс переписывает из Маурера: «*В настоящее время наделы стали неравными в резуль-*

тате дробления при наследовании, вследствие продажи и т. д., но старый полный надел еще составляет ту единицу, по которой определяются размеры половины, четверти, восьмой и прочих долей надела» [Маркс, Энгельс. Т. 19, с. 331–332]. Следовательно, Энгельс знает, что «подворники» наследовали свои доли, и эти доли составляли товар на рынке земли, однако же это не мешает ему отнести эту форму общины к первобытным временам⁵.

Позже было доказано, что возникли *гехёфершафтен* в XIII в. на основе дарений земли правителями частным собственникам [Lamprecht, 1885–1886. S. 442–445.; Данилов, 1958, с. 188].

Долевое землевладение, одна из форм общинного, вообще представляет собой своего рода вызов концепции первобытного происхождения и постепенного разложения сельской общины. Этот тип землевладения изучен (в разной степени, конечно) в нескольких странах Евразии, в каждом случае его возникновение и бытование вызваны особыми условиями географической или социальной среды. На схеме же постепенного разложения общины ему нет места.

Частные и общинные права на землю сплетаются в единство. Это ставило в тупик исследователей долевого землевладения: оно «не находит своего полного соответствия ни в одном из этапов эволюции общинной собственности в “чистом” виде». «Долевое землевладение сочетает в себе как более консервативные, так и более развитые частнособственнические черты» [Советов, 1964, с. 1, 6].

Перечислю только те случаи его бытования, которые мне известны. Это:

- упомянутая выше *подворщина* в Германии,
- складнические черносошные деревни в северных регионах Руси в XVII–XVIII вв.,
- четвертное землевладение в черноземных регионах лесостепи,
- землевладение *сябров* на Украине,
- землевладение *резешей* в Молдавии,
- некоторые общины в Родопском крае Болгарии,
- переделы типа *бадлюн-веш* («обменный раздел») у афганского племени *юсуфзаев*,
- общины типа *паттидари* («владение по долям») в Северо-Западных регионах Индии,
- общины типа *пасунг-карей* («новая граница») в дельте Кавери (Тамилнаду, Индия)⁶.

Как видим, долевого землевладения – институт, довольно распространенный по лику Земли и в то же время локально ограниченный. Причины его возникновения бывали различными. Здесь не место их перечислять. Упомянем лишь две, которые сразу бросаются в глаза. Это:

- резкое различие по качеству земель, находящихся под контролем данной общины, и/или
- происхождение землевладельческого слоя от знатного лица (лиц) основателя поселения.

Переделы земли в общинах безоговорочно считаются пережитками первобытного родового единства. Между тем передел переделу рознь. Они разнообразны и распадаются, по крайней мере, на две категории, которые никоим образом не родственны друг другу и составляют базу совершенно разных обществ. Это переделы по *правам* или же по *обязанностям*. Затронутый выше *долевой передел* имеет своим основанием разницу *прав*, которые имеют семьи. Размер доли, принадлежащей каждому человеку, зависит от коли-

⁵ Подробнее эта коллизия описана в: [Алаев, 2016, с. 42–68].

⁶ Всю литературу по данному вопросу перечислить невозможно. Даю лишь несколько работ как введение в проблему долевого землевладения: [Алаев, 1964, с. 79–85; Алаев, 1976, с. 75–96, 105–111; Алаев, 2016, с. 235–247; 323–333; Давыдов, 1969; Данилова, 1955; Данилова, 1996; Пьянков, 1963; Рейснер, 1954; Советов, 1964].

чества сыновей, рождавшихся в данной семье за несколько поколений. Чем больше было сыновей, тем мельче доля, приходящаяся на индивида.

Наделы же, которые общинники *получают* (от общины, от лендлорда, от правительства – это уже детали), зависят от:

- размера семьи в данный момент,
- или количества рабочих рук,
- или количества мужчин в доме (ревизские души – в России),
- или наличия упряжек волов,
- или количества плугов в хозяйстве.

Всё это варианты *тяглового* наделения, имеющего целью лишь установление «справедливых» (что означало на практике – максимальных) ставок налогов, рент и прочих повинностей.

Подобное наделение семей землей (и тяглом) практиковалось:

- в русской общине на частновладельческой земле (принадлежавшей помещику, монастырю или царю) в XVII–XIX вв.,

- в учреждавшихся властями общинах в течение всего имперского периода истории Китая,

- у афганской народности *марватов* (*хуля-веш*, «раздел *по ртам*») [Давыдов, 1969, с. 176–195; Рейснер, 1954].

В ряде районов Индии:

- *бхедж-баррар* («доля налога») в Бунделкханде,

- *висапади* («одна шестнадцатая») в Райяласиме,

- в Майсуре при Типу Султане

- и, наверно, во многих иных хронотопах, но полное освещение этого вопроса здесь невозможно⁷.

III

Варианты тяглового наделения крестьян землей приводят нас к третьему «свидетельству» первобытности германской общины – к утверждению Маурера, что сохранившиеся границы прежних участков указывают нам на некогда практиковавшееся общинное регулирование землепользования.

Сюда же, в *пережитки* первобытной общинности, огульно зачисляются такие явления, как круговая порука [Гринин, 1995–96, I, с. 65], принудительный севооборот, чересполосица, взаимопомощь крестьян друг другу. Между тем это все навязывается общинникам в интересах разного рода социальных верхов, присвоивших себе право распоряжаться в деревне.

Вернемся в Германию. Упоминались уже ученые *критического направления*. Они давно установили, что старые межи действительно указывают на прежние наделы, но не древние, а средневековые, когда устанавливалась манориальная система. Во многих феодальных странах для упрощения исчисления рент и налогов были введены меры площади, размер которых зависел от качества почвы. В Англии полный земельный надел свободного *керла* и воина назывался *гайда* (*hide*). Четверть *гайды* называлась *виргата* (*virgate*), или *ярдленд* (*yardland*), и понималась как участок, который может быть вспахан парой быков. Обычные крестьяне получали дробные части *гайды* и платили подати, соответствующие этой доле [Гуревич, 1955, с. 27–40; Гуревич, 2006, с. 26].

В Германии надел назывался *гуфа* (*Hufe*) или *манс* (*mansus*). С каждых четырех *мансов* жители должны были выставлять одного ополченца. *Гуфа* могла содержать от 30 до

⁷ В очередной раз отсылаю для более полной информации к своим прежним работам. В частности, см.: [Л.Б. Алаев..., 2000].

120 *моргенов* в зависимости от качества почвы. *Морген* понимался как участок, который можно вспахать за один день упряжкой из двух волов.

Эти как бы земельные меры на самом деле были окладными единицами. Они вводились *властями* (как бы их ни определять) и ни к первобытности, ни к имущественному поровнению отношения не имели. В России XVI–XVII вв. окладная единица называлась *вить*, или *обжа*. Ее размер тоже зависел от качества земли⁸. Впоследствии это проявление «феодалной справедливости» в Западной Европе изжило себя в связи с развитием частной собственности, а в России, напротив, развилось в тягловые переделы среди крепостных крестьян в пределах поместья (вотчины). Равновеликие квадраты, понятые Маурером как следы уравнительных переделов в древней общине, свидетельствуют о прямо противоположном: о значительном постоянстве крестьянского владения участками, что и позволило затем закрепить эти участки в частную собственность. Этот раздел статьи можно заключить выводом современного исследователя: «*Община отнюдь не являлась реликтом архаического строя, как изображали дело сторонники марксовой теории, – она была естественным и закономерным продуктом средневекового развития с присущим ему всеобщим корпоративизмом. В этом смысле выработка общинных институтов шла во многом параллельно коммунальному движению в городах, и в ряде случаев можно установить прямую связь между обоими процессами*» [История крестьянства..., 1985, с. 136].

На Руси подобных традиционных межей нет (не зафиксировано), потому что не сложилось длительного владения одним и тем же хозяином одним и тем же участком.

Сложившаяся ситуация, когда произведения Маркса и Энгельса молчаливо отодвинуты в сторону, но многие догмы, внесенные ими в научный оборот, остались, приводит к тому, что понимание проблемы *общины* продолжает находиться на уровне середины позапрошлого века.

В работах коллег я то и дело наталкиваюсь на выражения типа: «*например, в восточной общине ...*», или «*в общине на Востоке*», или в «*индийской крестьянской общине*»; пассажи о неизменности индийской общины, о ее замечательной «*сохранности*» на протяжении веков и т.п., опирающиеся только на рукопись Маркса от 1858 г. [Гринин, 1995–96, I, с. 53; III, с. 39]. Выдающийся историософ позволяет себе утверждать, что в первобытности господствовали уравнительность, общее хозяйство, общий продукт делился по едокам «с определенным учетом трудового вклада» [Гринин, 1995–96, I, с. 67]. Интересно, кто вел «учет»?

Даже такой новатор в историософии, как Л.С. Васильев (1930–2016), свои представления об общем общинном хозяйстве и о последующих переделах земли взял из набросков письма К. Маркса к В. Засулич [Васильев, 1993, с. 147, 148; Васильев, 2007, I, с. 138, 140–141], а возникновение государства у древних германцев излагал по Энгельсу [Васильев, 2007, II, с. 231]. Эта же схема продолжает излагаться в учебниках (в качестве примера см.: [Красняк, 2009, с. 11]).

Продолжается разработка архитектурного проекта *азиатский способ производства* [Город..., 1990, с. 20, 119–125; Нуреев, 1993; Рашковский, 2002; Рашковский, 2010; Рашковский, 2018; Семенов, 2008]. Будто бы Маркс выдвинул «*идею*» *азиатского способа производства* и советские ученые на ее основе «*разрабатывали*» концепцию «*двухлинейного развития*» [Гринин, Коротаяев, 2009, с. 52]. Но никакой концепции *азиатского способа производства* нет и никогда не существовало. Есть только слоган, время от времени входящий в моду. Некоторые строят совершенно *оригинальные* и совершенно по-

⁸ Подробнее см.: [Алаев, 2016, с. 55–56, 83–88]. Надо признать, что эта сторона феодальных отношений – отношения между вотчинником (помещиком, лендлордом) и зависимым от него крестьянством (общинной) изучены недостаточно, и это тоже одно из негативных следствий трактовки общины как первобытного по происхождению института.

стмодернистские теории исторического процесса [Фурсов, 2012, с. 77–79] на базе все той же рукописи 1858 г. «Формы, предшествующие...», о которой Маркс через 10 лет забыл.

Требуется пересмотреть весь круг представлений, связанный с понятием *сельской общины*. Маркс отождествлял сельскую общину с первобытным коммунизмом⁹. Это в ходе исследований не подтвердилось. Исторически нельзя доказать преемственность первобытной хозяйственной ячейки и общины классового общества. Все заявления о том, что крестьянская община наследует эгалитаризм, демократизм и пр. от своего прототипа, – не более чем декларации, пока ничем не подкрепленные. Крестьянским общинам обычно ни эгалитаризм, ни демократизм отнюдь не свойственны. Многие общины вообще являются эксплуататорскими. Если демократизм и эгалитаризм присутствуют, они объясняются не мистическим «общинным духом», а отчаянным положением, в которое деревня попадает. А это положение – разное. «*Сельская соседская община*» – не единый институт, а обобщающее наименование для ряда социальных образований, имеющих нечто общее.

Исторически среди ее функций на первый план выступают:

- либо организация производства,
- либо регулирование землепользования,
- либо упорядочение налогообложения,
- либо организация вооруженного сопротивления,
- либо обеспечение социального доминирования одной группы жителей над другими.

Понятно, что в зависимости от основной функции данной общины она приобретает разные формы. Но типология сельских общин не составляет единую траекторию эволюции (или разложения). Необходимо различать общины:

- возникавшие по инициативе снизу, через осознание необходимости сплочения и упорядоченности быта, и
- организуемые государственными властями или крупными землевладельцами (при желании последних можно назвать *феодалами*) для упорядочения фискальных или рентных отношений.

А также

- общины крестьянские, *земледельческие* в собственном смысле слова, угнетаемые частными земельными собственниками и/или государством;
- и общины *землевладельческие*, образованные разросшейся семьей, получившей землю в результате дарения или захвата.

Институты, которые мы называем *общинами*, существовали в древности и (особенно часто) в средневековье, но они вовсе не обязаны возникать везде. Для изучения прежних обществ важно констатировать не просто наличие сельской общины («еще сохранилась») или ее отсутствие («уже разложилась»), а ее роль в социуме, ее функции, ее форму. *Форма общины фокусирует* в себе очень многие характеристики общества и накладывает отпечаток на его дальнейшую эволюцию, в какой-то степени *определяет* его судьбу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алаев Л.Б. *Южная Индия. Социально-экономическая история XIV–XVIII вв.* М.: Наука, 1964 [Alaev L.B. *Southern India: Socio-Economical History of 14th – 18th centuries.* Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].

⁹ Формулировки применялись разные, но все же цельность марксистской концепции в данном вопросе бесспорна [Маркс, Энгельс, т. 21, с. 160; т. 22, с. 444; т. 26. III, с.439; т. 36, с. 78, 96, 97; т. 38, с. 265; т. 39, с. 33, 128–130, 344, 375; т. 46. II, с. 394].

Алаев Л.Б. *Социальная структура индийской деревни*. М.: Наука, ГРБЛ, 1976 [Alaev L.B. *The Social Structure of Indian Villages*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1976 (in Russian)].

Л.Б. Алаев: *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. М.: Вост. лит., 2000 [L.B. Alayev: *Community in his life. A history of several research ideas in documents and materials*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2000 (in Russian)].

Алаев Л.Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю»*. Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: Ленанд, 2016 [Alaev L.B. *Rural community: "A novel, inserted into history"*. A critical analysis of theories of community, of historical evidences of its development and its role in a stratified society. Moscow: Lenand, 2016 (in Russian)].

Баден-Пауэлл Б.Х. *Происхождение и развитие деревенских общин в Индии*. М.: И.Н. Кушнерев и К°, 1900 (2-е изд. М.: Ленанд/URSS, 2010) [Baden-Powell B.H. *Origin and Development of Village Communities in India*. Moscow: I.N. Kushnerev and C°, 1900 (Second ed. Moscow: Lenand/URSS, 2010 (in Russian)].

Васильев Л.С. Традиционный Восток и марксистский социализм. *Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти*. М.: Восточная литература, 1993. С. 143–176 [Vasiliev L.S. *The Traditional East and the Marxian socialism. The Phenomenon of Eastern Despotism. Structure of Ruling and Power*. Moscow: Vostochnaia literatura, 1993. P. 143–176 (in Russian)].

Васильев Л.С. *Всеобщая история*. В 6-ти томах. Т. 1–2. М.: Высшая школа, 2007 [Vasiliev L.S. *The General History*. Vols. 1–2. Moscow: Vysshaya Shkola, 2007 (in Russian)].

Город в формационном развитии стран Востока. М.: ГРБЛ, 1990 [A City in the formational development of Eastern countries. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1990 (in Russian)].

Гринин Л.Е. *Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества*. Ч. I–III. Волгоград: Учитель, 1995–1996 [Grinin L.E. *The philosophy and sociology of history: some regularities of the human history*. Pts I–III. Volgograd: Uchitel, 1995–1996 (in Russian)].

Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. *Социальная макроэволюция: генезис и макроэволюция Мир-системы*. М.: Либроком, 2009 [Grinin L.E., Korotayev A.V. *Social macroevolution. The World System Genesis and transformations*. Moscow: LKI/URSS, 2009. (in Russian)].

Гуревич А.Я. Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии. *Средние века*. VII. М.: Наука, 1955 [Gurevich A.Ya. From the history of property stratification in the process of feudal development in England. *Srednie Veka. Studies on Medieval and Early Modern History*. VII. Moscow: Nauka, 1955 (in Russian)].

Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации. *Одиссей. Человек в истории. Феодализм перед судом историков*. М.: Наука, 2006, с. 11–49 [Gurevich A.Ya. Feudalism on historians' trial or Medieval peasant Civilization revisited. *Odysseus. A Man in History. Feudalism under a trial of historians*. Moscow: Nauka, 2006. Pp. 11–49 (in Russian)].

Гуревич А.Я. *Избранные труды. Древние германцы. Викинги*. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014 [Gurevich A.Ya. *Selected Works. The Ancient Germans. Vikings*. Moscow–Saint-Petersburg: Center of humanitarian Initiatives; University Books, 2014 (in Russian)].

Давыдов А.Д. *Афганская деревня (сельская община и расслоение крестьянства)*. М.: ГРБЛ, 1969 [Davydov A.D. *Afghan Village (rural community and stratification of peasantry)*. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1969 (in Russian)].

Данилов А.И. *Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в.* М.: Наука, 1958 [Danilov A.I. *Problems of agrarian history of the Early Medieval Ages in German historiography of the end of 19th – beginning of 20th centuries*. Moscow: Nauka, 1958 (in Russian)].

Данилова Л.В. *Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв.* М.: Наука, 1955 [Danilova L.V. *Essays of the history of land holdings and economy in Novgorod region in the 14th–15th centuries*. Moscow: Nauka, 1955 (in Russian)].

Данилова Л.В. *Сельская община в России*. Москва: Наука, 1996 [Danilova L.V. *Rural community in Russia*. Moscow: Nauka, 1996 (in Russian)].

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том первый. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М.: Наука, 1985 [*History of peasantry in Europe. Epoch of feudalism. Vol. I. Formation of feudal-dependant peasantry.* Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Кабо В.Р. *Первобытная доземледельческая община.* М.: Наука, 1986 [Kabo V.R. *Primordial pre-agricultural community.* Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Красняк О.А. *Всемирная история.* Учебное пособие. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2009 [Krasnyak O.A. *All-World history.* Training aid. Moscow: LIBROKOM/URSS, 2009 (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* 2-е изд. Т. 1–50. М.: Госполитиздат, 1955–1981 [Marx K., Engels F. *Works. Second edition.* Vols. 1–50. Moscow: Gospolitizdat, 1955–1981 (in Russian)].

Маурер Г.Л. *Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти.* М., 1880. Москва: Красанд/URSS, 2011 [Maurer G.L. *Introduction to the history of communal, homesteads, rural and urban settlements and social power.* Moscow, 1880 (Sec. ed. Moscow: Krasand/URSS, 2011 (in Russian)].

Неусыхин А.И. *Возникновение зависимого крестьянства как класса феодального общества в Западной Европе VI–VIII вв.* М.: Наука, 1956 [Neusykhin A.I. *Beginnings of the dependent peasantry as a class of feudal society in Western Europe of 6th – 8th centuries.* Moscow: Nauka, 1956 (in Russian)].

Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система. *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти.* Москва: Наука. Восточная литература, 1993. С. 62–142 [Nureyev R.M. *Asiatic mode of production as an economic system. The Phenomenon of Eastern Despotism. Structure of Ruling and Power.* Moscow: Vostochnaia literatura, 1993. Pp. 62–142 (in Russian)].

Пьянков А.П. *Сельская община Северо-Восточной Европы. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961.* Рига, 1963. С. 100–107 [Pyankow A.P. *Rural communities in North-Eastern Europe. Year-book on agrarian history of Eastern Europe. 1961.* Riga, 1963. Pp. 100–107 (in Russian)].

Рашковский Е.Б. «Азиатский способ производства» как историографическая проблема. *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. В честь С.О. Шмидта.* М., 2002. С. 403–405 [Rashkovsky E.B. “Asiatic mode of production” as a historiographical problem. *Source-studies and historiography in the world of humanitarian knowledge. In honour of S.O. Shmidt.* Moscow, 2002. Pp. 403–405 (in Russian)].

Рашковский Е.Б. И вновь о цивилизационном дискурсе: попытка объяснить себя. *Мировая экономика и международные отношения.* 2010. № 1. С. 98–102 [Rashkovsky E.B. *Once more about civilizational discourse: an attempt to explain myself.* *World Economy and International Relations.* 2010. No. 1. Pp. 98–102 (in Russian)].

Рашковский Е.Б. Социальный миф и развитие (Размышления над книгой Л.Б.Алаева о сельской общине). *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. № 4. С. 103–108 [Rashkovsky E.B. *Social myth and development (Reflections over Alaev’s book about rural community.* *World Economy and International Relations.* 2018. No. 4. Pp. 103–108 (in Russian)].

Рейснер И.М. *Развитие феодализма и образование государства у афганцев.* М.: АН СССР, 1954 [Reisner I.M. *Development of feudalism and formation of the afghans’ state.* Moscow: AN SSSR, 1954 (in Russian)].

Семенов Ю.И. О стадияльной типологии общины. *Проблемы типологии в этнографии.* М.: ИЭ, 1979 [Semyonov Yu.I. *On typology of stages of communities’ development in ethnography. The problems of typology in ethnography.* Moscow: Institute of Ethnography, 1979 (in Russian)].

Семенов Ю.И. *Экономическая этнология.* Кн. 1. Часть 1. Москва: ИЭА, 1993 [Semyonov Y.I. *Economic ethnology.* Book 1. Part 1. Moscow: IEA, 1993 (in Russian)].

Семенов Ю.И. *Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки.* М.: Волшебный ключ, 2008 [Semyonov Yu.I. *Politarian (“Asiatic”) mode of production: its essence and place in the history of mankind and of Russia. Philosophico-historical essays.* Moscow: Volshebnyi kluch, 2008 (in Russian)].

Советов В.П. Проблема долевого землевладения в Европе. *Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.* М., 1964 [Sovetov V.P. *A problem of the share-landholding in Europe. A paper in the VII International congress of anthropological and ethnographic sciences.* Moscow, 1964 (in Russian)].

Филиппов И.С. Марка. *Большая российская энциклопедия*. Т. 19. 2011(1). С. 150–151 [Filippov I.S. Mark. *Great Russian Encyclopedia*. Vol. 19. 2011(1). Pp. 150–151 (in Russian)] https://bigenc.ru/world_history/text/2186638#

Филиппов И.С. Марка. *Большая российская энциклопедия*. Т. 19. 2011(2). С. 151 [Filippov I.S. Mark. *Great Russian Encyclopedia*. Vol. 19. 2011(2). Pp. 151 (in Russian)] https://bigenc.ru/world_history/text/2186648

Фурсов А.И. Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории. Крестьянство в социальных системах. *Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer»*. 2012. № 6. С. 69–89; № 7. С. 76–98 [Fursov A.I. Peasantry: Problems of Social Philosophy and social Theory. The Peasantry in Social Systems. *Scientific-analytical journal «Обозреватель–Observer»*. 2012. No. 6. Pp. 69–89; No. 7. Pp. 76–98 (in Russian)].

Фюстель де Куланж. *История общественного строя древней Франции*. Т. IV. Аллод и сельское поместье в Меровингскую эпоху. СПб.: Общественная польза, 1907 [Fustel de Coulanges. *L'Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*. Vol. IV (in Russian)].

Baden-Powell V.H. *The Indian Village Community: Examined with Reference to the Physical, Ethnographic and Historical Conditions of the Provinces; Chiefly on the Basis of the Revenue-Settlement Records and District Manuals*. London: Longmans, Green and Co. 1896].

Campbell G. *Modern India: a Sketch of the System of Civil Government*. London, 1852.

Hanssen G. *Die Gehöferschaften (Erbgenossenschaften) im Regierungsbezirk Trier. Agrarhistorische Abhandlungen*. Bd. I. Berlin, 1863.

Lamprecht K. *Deutsches Wirtschaften im Mittelalter*. Bd. I–II. Leipzig, 1885–1886.

Wilks M. *Historical Sketches of the South of India*. London: Longman, 1810.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛАЕВ Леонид Борисович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Leonid B. ALAEV, DSc (History), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.